

УДК 82.091.

А. А. Гайдукова,

филологический факультет,

Омский государственный педагогический университет

Научный руководитель: канд. филол. наук, доц. А. В. Подворная

Философия истории в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»

Аннотация. В статье описываются различные концепции истории, представленные в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго». Выделяются два взгляда на исторический процесс: «советский» и авторский. Выдвигается предположение, что роман представляет собой попытку опровержения социальной трактовки советской истории.

Ключевые слова: история, бессмертие, искусство, революция, Пастернак.

По словам Б. Пастернака, цель создания «Доктора Живаго» — изображение России в переломную эпоху, запечатление в текстовой форме метаморфоз государства, очевидцем которых стал автор и его современники [5]. Однако, несмотря на то, что в «Докторе Живаго» представлены события революции и первых лет советского времени, издание романа в СССР было встречено далеко не однозначно: многие соотечественники критиковали Пастернака за его «безразличие» к собственно историческим вопросам в тексте и указывали ему на многочисленные неточности в изображении событий Гражданской войны [1]. О причинах анахронизмов в романе размышляет большое количество исследователей — Б. Гаспаров, Е. Скороспелова, Н. Бирюкова, но все они приходят к единой мысли, что в центре внимания писателя оказываются не столько конкретные политические и социальные изменения в стране, сколько сама *философия истории*, или же законы, определяющие развитие человечества [6].

Пастернаковское понимание исторического процесса, бесспорно, предстает альтернативным по отношению к советскому. Если, согласно советской доктрине, история — это «творение рук человеческих» и между поступками людей и социальной историей существует прямая связь [2, с. 150], то, по мысли писателя, истории «не делает» никто и ее «...нельзя увидеть, как не видно, что трава растет» [4, с. 336]. Поэтому «смысловое ядро» произведения составляет борьба идей, и сам роман Б. Пастернака есть не что иное, как попытка опровержения социальной трактовки советской истории и мифов, созданных писателями соцреализма.

Пожалуй, именно Николай Николаевич Венедиктов оказывается наиболее приближенным

к писателю в идейном отношении. Согласно точке зрения героя, история — это совокупность общечеловеческих духовных и интеллектуальных усилий, направленных на преодоление смерти или достижение бессмертия. Бессмертие в романе, в свою очередь, выступает эквивалентом человеческой памяти, что прямо следует из слов Живаго, сказанных умирающей Анне Ивановне: «Человек в других и есть душа человека...» [4, с. 51]. Достижение же бессмертия, по мысли писателя, оказывается возможным благодаря искусству, которое обеспечивает художнику жизнь в сознании других. Так, труды Юрия Живаго находят свою аудиторию уже после смерти персонажа, подкрепляя тем самым представленную в романе идею о взаимосвязи искусства и вечной жизни.

Искусство же, по Б. Пастернаку, существует благодаря *любви к жизни* — истине, принесенной в мир Христом. Изображая Христа «подчеркнуто человеческим, намеренно провинциальным», автор «одоухотворяет» быт, из-за чего чудесное находит свое воплощение в романе в мирском — кратковременном и явном. Поэтому обыденное существование человека приобретает у Б. Пастернака высокий эпический смысл, демистифицируя тем самым значимость социальной истории и характерных для нее надличных масштабов и критериев [3, с. 60–65].

Однако полной, подлинной жизни в романе, воплощенной в образе Юрия Живаго, противопоставляется идея *переделки жизни*. Носителем советской точки зрения на исторический процесс выступает в произведении Павел Антипов, персонаж-революционер. С образом этого героя с первых страниц романа связывается *мотив игры*, так как революция характеризуется Б. Пастернаком

не только в качестве эксперимента над историей, но и как «шалость повзрослевших мальчишек». Так, первые месяцы после революции изображаются писателем как игра в горелки, а сам Антипов-Стрельников отзывается о недавно проведенной им воинской операции как о военной игре.

Последствиями же «игры в войну», по замечанию Н. Л. Лейдермана, становятся «обесценивание личного мнения, пренебрежение человеческой неповторимостью во имя... прямолинейно понимаемого равенства», а также «кровь и смерть, которые неизбежно несут “самоуправцы революции”, возомнившие себя режиссерами истории» [3, с. 59]. При этом первыми жертвами «игры в войну», как показано в романе, становятся сами революционеры — «повзрослевшие мальчишки», такие как Павел Антипов, чьими руками и была развязана Гражданская война. «Новая» реальность оказывается чуждой самой природе человека и не может заменить собой «нормальную», «органическую» жизнь даже собственным творцам. Поэтому, по мысли писателя, подлинные земные заботы лю-

дей оказываются намного важнее, чем идеи по переустройству мира и проистекающие из них кровопролитные игры.

Таким образом, на страницах романа представлены два взгляда на историю. Согласно советской точке зрения, история «рукотворна», а бытие служит материалом, требующим «переделки», доработки. Б. Пастернаку же вмешательство в ход истории представляется невозможным, поскольку войны и революции для него — «бродильные дрожжи», «органические возбудители» истории, *но не сама история*. Исторический процесс понимается писателем гораздо шире, нежели идеологией, и воспринимается им как *стихия*, подчиняющаяся, как и всё в природе, неким высшим законам, а вовсе не воле отдельного человека. Так, развенчание идеи по «переделке жизни» происходит в романе за счет противопоставления «книжной», подчиненной идее жизни в лице Антипова «живой» жизни, воплощенной в образе главного героя романа, и уникальное мироощущение писателя проявляет себя на страницах произведения и в понимании истории.

1. Бирюкова Н. Шесть ошибок в «Докторе Живаго» // Arzamas : [сайт]. — URL: <https://arzamas.academy/materials/382> (дата обращения: 07.03.2023).

2. Голомиток И. Н. Тоталитарное искусство. — М. : Галарт, 1994. — 296 с.

3. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы : учеб. пособие : в 2 т. Т. 1 : 1953–1968. — М. : Академия, 2003. — 413 с.

4. Пастернак Б. Доктор Живаго : роман. — СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2016. — 606 с.

5. Переписка Бориса Пастернака / вступ. ст. Л. Гинзбург ; сост., подгот. текстов и коммент. Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернака. — М. : Художественная литература, 1990. — 574 с.

6. Скороспелова Е. Б. Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). — М. : ТЕИС, 2003. — 420 с.